

Королев Владислав

Личинки иноземных
мух

18+

Владислав Королев
Личинки иноземных мух

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55716540

SelfPub; 2020

Аннотация

Это история о тех, кому на Руси жить хорошо. Кому деньги нужны, но нужны так как-то...

Предисловие

Сова виновато ухнула. Белое, едкое, жидкое долго летело вниз в предрассветной мгле. Могло бы пропасть задаром на крыше ветхого сарая, разбиться в брызги о печальные листья берёзы, а то – просто сгинуть в бурьяне. Но не пропало, не разбилось и не сгнуло. Старик вытер немолодую же лысину, посмотрел на ладонь и беззлобно выругался. Чего злиться-то? Всем известно: говно с неба – к деньгам.

Глава первая

Любил Старик ходить на рыбалку. Встанет до зари, когда в бледных сумерках стелются низкие туманы по мокрой траве, а усталые коты расходятся по домам, будя блудливым топотом первых петухов. Под прелой кучей сорняков за бабкиным огородом наковыряет пригоршню ярко-красных, с жёлтыми кольцами червей. Старику всегда нравился запах компостных червей – они пахнут свежим огурцом. Как-то, ещё в ранние годы, будущей супруге своей велел закрыть глаза и отгадать содержимое кулака по запаху. Девушка, унюхав бабским чутьём обручальное колечко, играла нечестно – сразу подглядела, как Старик раскрыл ладошку у неё под носом, и долго гоняла Старика по огороду, громко обзывалась и кидалась разным мусором. Женщина, что тут сказать!

Никакой романтики в голове...

Молодая безымянная псина выползла из-под банного крыльца, радостно извиваясь тощим туловищем вслед за вихлястым хвостом, и принялась скакать вокруг. Прибился кобель в конце зимы, да так и остался жить. Хоть и на птичьих правах, а всё с людьми.

«Нет, милый... Ты за лягушками станешь прыгать – всего карася мне распугаешь!» Старик поднял указательный палец вверх, собака послушно села, изогнув голову на бок и не веря в строгость приговора. Старик был непреклонен: «Вот так! Сиди тут!» Для убедительности потряс пальцем.

Загадочная гладь пожарного пруда отражала куртины ивняка, прошлогодние сухие рогозины со спящими на них стрекозами и узенькую розовую полосу на востоке. Старик потянулся от удовольствия, громко захрустев всеми своими суставами, грыжами и протрузиями. Кусты на берегу ответно заколыхались.

«Вот дурное животное, всё-таки увязался!» – подумал Старик, пошарил глазами под ногами и увидел пару невесть откуда взявшихся картофелин. В педагогических целях подобрал ту, что побольше, заорал нечеловеческим голосом: «А ну, пшёл отсюда, скотина!», и метнул корнеплод.

«Это вы...» начала было вопросительно разгибаться человеческая фигура в камуфляже, и тут картофелина с глухим стуком врезалась ей в лоб; «...мне...», по инерции, но уже утвердительно, фигура закончила фразу, валясь обратно в кусты.

«Экая беда! Я ведь в сторону метил... Пугануть хотел...», бормотал Старик, пытаясь одновременно усадить обмякшее тело городского рыболова на постоянно складывающийся стульчик и надеть на него очки. То одна, то другая дужка тыкались в глаза рыболова. Городской мычал, пребывая в изрядном нокдауне. Старик побрызгал ладошкой прудовой воды...

«Ну ты, дед, зверь! Сказал бы по-человечески, что я место твоё занял... Чего лупить-то сразу?»

Наконец Старик наладил снасть и закинул одного из вёртких компостных червей к заветному кусту кубышки.

«Здарова!» – громким шёпотом поздоровался прибывший Арсений Ильич, старинный приятель. Вместе в школу ходили, в армию, работали в одном колхозе. А теперь живут на одной улице и ловят карася в одном пруду.

«Здарова, здарова...», Старик не сводил глаз с поплавка.

Арсений Ильич скинул рюкзачок, засмеялся, тоже шёпотом. «Ну чё ты тарацишься? Ранее девяти клёва не бывает!»

Старик и сам знал, что не бывает. И нет никакого смысла вставать до зари и копать червей впотьмах. Тем более, что их можно нарыть и с вечера... Но как же ритуал, традиция и всё такое? Разве это пустые слова?

Арсений Ильич не торопился. Для начала он приладился помочиться в густые заросли хрена на задворках почтальоншиного огорода.

Вдруг у городского соседа раздалась какая-то возня и шумный плеск.

«Господи», подумал Старик, «никак с берегу теперь свалился? Вот невезучий день у мужика!»

Но нет, городской никуда не свалился. Он стоял, высоко подняв правой рукой согнутое в дугу удилище, и тащил этим удилищем невиданную в деревенском пруду рыбину.левой рукой рыболов опустил в воду дорогой приёмистый подсачек на длинной рукоятке. Пожалуй, он и вытащил бы уже здоровенного карпа, но тут подоспел Арсений Ильич. С

первым всплеском рыбы он бежал от зарослей хрена, на ходу пытаясь застегнуть пуговицу от штанов в петлицу пиджака.

«Не тяни, не тяни её! Пусть погуляет! Щас я тебе помогу! Не тяни, говорю!»

В мгновение ока шустрый дед проскочил под удочкой, в туче брызг вбежал в воду чуть глубже своих резиновых сапог. Схватил лесу рукой, успев почувствовать приятную тяжесть рыбы, и... леска сразу лопнула. Арсений Ильич засучил ногами по сколькому глинистому дну, оступился и, смешно маша руками в поисках равновесия, грузно сел задом на палку подсачека, переломив её надвое.

Поднял полные укора глаза на городского: «Ну что ж ты? Я ведь кричал – не тяни...»

Городской выглядел жалко. Под обоими глазами и на лбу вспухли большие розовые желваки, отчего очки не доставали до переносицы. В правой руке он продолжал сжимать разогнувшееся удилище с обмотанным вокруг вершинки клубком лесы и поплавком, в левой – обломок подсачека. Ни дать, ни взять – рыцарь, выбитый из седла на ристалище. Рыболов отбросил покорёженные снасти и спросил тонким голосом: «Блин, деда... У вас тут заговор, что ли?!»

Старик крякнул и внимательнее взгляделся в свой поплавок. Арсений Ильич, истекая водой, выбрался на берег. «Ты, молодой человек, другой раз кричи заранее, я сразу прибегу. А то ведь снова упустишь!»

«Уйди, дед!», отказался от помощи городской.

Арсений Ильич, чавкая сапогами, подошёл к Старикуну, нагнулся и громким шёпотом спросил:

«Видал рожу-то евоную? Ужас, а не рожа!»

Старик снова крякнул.

Арсений Ильич размотал и закинул снасти, городской починил свою удочку. На короткое время на пруду воцарилась деловитая рыболовная тишина. Около девяти часов у друзей начал клевать мерный «ладошечный» карась, и за своей долей явились два прудовых кота. А в половине десятого многострадальный сосед вытащил карпа килограмма на два. Старик уважительно крякнул. Арсений Ильич в процессе вываживания то и дело порывисто вставал, издавал малоприличные и даже откровенно непотребные звуки, хлопал себя по мокрым штанинам. Но городской справился и карпа вытащил.

А в десять часов извлёк из воды ещё одного. И до полудня ещё четыре штуки. Старик накрякался, кажется, на всю жизнь. Арсений Ильич страдал. Он ходил, как бы прогуливаясь, вдоль берега пруда. Без нужды посещал заросли хрена. Но разглядеть каких-то особых городских секретов не получалось. Наконец, уже в первом часу, сосед начал собираться домой.

Методично протёр тряпочкой удилище, сложил его и обломки подсачека в специальный кофр. Выволок огромный садок и принялся перекладывать добычу в полиэтиленовые пакеты. Здоровенные рыбины тяжело ворочались, шурша упаковкой и тускло сверкая крупной чешуёй. Арсений Ильич не выдержал. Медленно приблизившись, он спросил самым безразличным голосом:

«На что это вы ловите?»

«На опарыша. По три штуки насаживаю.» И городской доверчиво протянул пенопластовую коробочку. «Возьмите, у меня осталось немного. Только мотыльницу верните...»

Арсений Ильич высыпал сигареты в карман пиджака, а в пустую пачку пересыпал жирных личинок. «Ишь ты!» удивился он. «А чего это они красные?»

Городской пожал плечами: «Говорят – польские. Специально для рыбалки выращивают.» Забрал мотыльницу, погрузил барахло в машину и уехал.

К вечеру друзья поймали пятерых карпов на двоих. Поймали бы и больше, но стариковские снасти оказались хлипковаты для такой охоты.

Глава вторая

Собравшись по домам, приятели присели перекурить и обсудить пережитое.

«Что за люди в этой Европе живут? Не пойму... Опарыши у них, вишь, и те – красные!»

«Да... Я думаю, евреи это всё. Из каждой ерунды копейку делают.»

«Это точно. Эти не стали бы на таких опарышей ловить, а развели бы их, да и продавали потом...»

Деды уставились друг на друга.

«У нас же осталось сколько-то?»

«Осталось три, но они окуклились... Я их и это... Выбросил, значит...»

«Сеня!! Куда?!»

«Да вот... куда-то здесь, в траву...»

Старики принялись ползать на карачках, раздвигая заскоружными ладошками молодую полынь, хищно вглядываясь прозрачными глазками в придорожный мусор. Тут же рядом звякнул велосипедный звонок.

«Чой-та вы тут?» Почтальонша Зинка тянула шею вслед своему бабьему любопытству.

«Да вот, Сеня куколок наших обронил – ищем!» плаксивым голосом посетовал Старик.

Почтальонша энергично толкнула велик вперёд, бормоча под нос: «До куколок допилися, черти старые...» Писем теперь никто не пишет, а пару газет в библиотеку можно и завтра отвезти. Сейчас надо было быстро сообразить, кому первому сообщить о замечательном происшествии. Постоянно оглядываясь в поисках подробностей и оттого вихляясь, Зинка скрылась за поворотом.

В процессе поиска приятели вели оживлённую беседу, и в результате обмена глубокими мыслями и серьёзными идеями стало понятно, что начинать дело с такого мизерного поголовья – смешно. Поэтому на ближайшие дни была запланирована вылазка в город для закупки племенного стада. Теперь оставалось лишь выработать стратегию и отработать технологию – дело плёвое. И тут бы потерянные личинки оченьгодились в качестве опытных образцов.

Удивительно, но все три драгоценные куколки были найдены. Как-то сразу вспомнилось, что опарыши – непременный атрибут выгребной ямы. Старик прошлым летом снёс свой дворовой сортир и поэтому решительно протянул смятую сигаретную пачку Арсению Ильичу.

«Да ты чего? Мы ж вместе ватерклозеты в дом завели! Сначала мне, потом тебе... Уж года два, почитай...»

«Но ты же сортир в огороде оставил?»

«Да, цела сакля родовая... Мало ли что... Там, правда, корму особо нету, пересохло поди давно.»

«А ты ведра два воды плескани – оно и разбрыкнет. Зато культура будет чистая – без здешних мух.»

«Ну – чего ж не плескануть? Плескану ввечеру...»

Глава третья

Утром Старик, подгоняемый деловым нетерпением, отправился с визитом к своему компаньону. Уже издали он заметил шумную толпу местных жителей, облепивших забор соседки Арсения Ильича – почтальонши Зинки. Хозяйки береговых зарослей хрена и кривенькой бани.

Он даже не сразу понял, что видит, когда заглянул через головы односельчан вглубь зинкиных владений. Сначала выделил старое ржавое ведро с повядшими сорняками, которое удивительным образом само по себе тихонько раскачивалось на будто бы перепаханной земле. А потом нутром почуял, что это не земля, а пузыристая, неприятно пахнущая субстанция, которая вялым потоком покрыла большую часть огорода и уже подбиралась к самому забору, у которого расположились охочие до бесплатных чудес зрители. Эпицентром зловонного потока высился древний дощатый туалет с распахнутой дверцей.

На узком перешейке чистой травы вдоль забора бесновалась Зинка: «Что за напасть такая? Я ща милицию вызову! Кто это натворил?!»

«Зинка, кто ж в твоём сортире окромя тебя натворит?» – пахабно хохочет дряхлый, неприятный во всех отношениях, но исключительно начитанный старикан-сосед через три дома Эдуард Львович. Зинка, размахнувшись от уха, по-бабьи кидает в него калошей. «Ну что ты орёшь? Станет милиция тебе это вот по двору собирать, что ли? Или арестует его? Побег тваво говна не по их части. У них своего там – выше крыши... У них – своё, а это вот – твоё; для тебя – своё, значит! Хотя, на мой нюх – воняет больно... Но так ведь это... оно ж твоё, а не моё... Должно мне вонять.» Пытается успокоить почтальоншу Арсений Ильич. Вторая калоша летит в его сторону...

Калоша не напугала Эдуарда Львовича. Перестав хохотать, он заговорил серьёзным голосом: «Я читал как-то... в технической литературе... будто бы в Крыму, в пещерах специальных, шампанское всё в один день вдруг бурлить начинает. Наука факт не объясняет! И это вот, похоже – та же херня!»

Зинка плюнула и коряво, но беспомощно махнула ногой в полосатом носке – калоши кончились. «Не послать ли тебе, пан Эдуард, за фужером? Черпанёшь прямо из пещеры!»

Эдуард Львович сморщился беззубым лицом: «За фужером! Дура ты, как есть дура! Надо в баночку накласть суб-

станции, да в Академию наук послать, вместе с фотографиями. Наши сейчас только и ждут, где бы им Америке нос утереть? А тут – вот оно, само к людям идёт! Это ж невероятное явление природы!»

«Точно», энергично подхватил Арсений Ильич, «это стихийное бедствие! Непредвиденные обстоятельства!»

Безутешная почтальонша не внимала научным фактам, а пузыристая каловая масса неумолимо поглощала грядку за грядкой.

Прятели покинули аварийное собрание и отправились на участок Арсения Ильича обсудить текущие задачи бизнес-проекта.

«Слышь, Старик, это ведь моих рук дело...», вдруг печальным голосом признался Арсений Ильич.

«Как это?»

«Да я воды-то вчера в саклю плесканул, но продукта там годного совсем мало было. Я даже посидел полчаса, хотел свежего выдавить... Но нет, я же не депутат и не журналист – по заказу не лезет! А потом думаю: что ж я тужусь? У почтальонши сортир аккурат за моим, жопа к жопе... и действу-

ющий. Подброшу наших первенцев прямо в закрома! А уж вечером смотрю – моя к дочери собирается, пироги затеяла. И тут меня как торкнуло... Приметил, что она в морозилке дрожжи прячет, думаю – брошу кусочек в это самое, для опары... Опарыши же, Старик! Опарыши!!! Понимаешь, от какого слова?! Хотел отломить уголочек, как жена выйдет, но она чегой-то сразу вернулась, я под пиджак пачку спрятал, и в огород. Думаю уж – на месте отломлю... А на месте у меня весь шмат из бумажки и вывернулся... Я бумажку сжёг, и – спать. А утром – видал тут чо? Ночи-то тёплые... Господи, хорошо хоть уклон к пруду, а не ко мне!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.